

ЕВГЕНИЙ АЛЕХИН

РУТИНА

РОМАН

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Евгений Алехин

РУТИНА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГЕОРГИЕСЦ

Москва • 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
А 49

*Иллюстрации Юланы Цуцур и Данилы Галиакбарова
В оформлении обложки использован рисунок Юланы Цуцур*

Алехин Е.

А 49 Рутина : [роман]. — М. : ИД «Городец», 2021. — 592 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Герой «Рутины» вырос на бесплодной земле. Он — тень богов прошлого, депрессивная эманация, блуждающая по развалинам в поисках следов пиршества. Но все пирушки оборачиваются мрачным трансгрессивным опытом, любовные похождения оставляют только пустотные следы брызг семени, а призвание — обращается рутинной. Но в этой книге есть все, кроме уныния: она не провоцирует жалость, а действует направленно, оскорбляет, ранит и тревожит до судорог. «Книги и девок можно брать с собой в постель», — писал Вальтер Беньямин. И пожалуй что одной только «Рутине» из всей современной русской прозы пристрастный немецкий критик открыл бы вход в свои покои.

ISBN 978-5-907220-76-8

© Е. Алехин, 2021
© ИД «Городец», 2021
© П. Лосев, оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая	7
Бэкстейдж / Верлибры	186
Книга вторая	195
Книга третья	403
Приложение: маленькие психозы	541

КНИГА ПЕРВАЯ

Привет, ребята. Это первая часть романа «Рутина». Планируется, что он будет состоять из трех книг, которые будут публиковаться раз в год по весне, начиная с 2019-го и заканчивая 2021-м. Сейчас мне нужны от вас правки и замечания, может быть, какая-то линия здесь лишняя, а может быть, какая-то плохо написана и требует более тщательной проработки. Очень нужны идеи по диалогам, пока я написал их наспех, своими словами, но, если вы знакомы с человеком, который стал героем текста и имеет реплику, и вам кажется, что он сказал бы что-то иначе, более выразительно, обязательно подскажите, дайте знать. Пока я все это писал, оно казалось мне очень серьезным делом, но, может быть, книга получилась слегка занудной и в ней слишком много подробностей, которые не имеют значения для всех остальных. Здесь почти нет выдумки, изредка мне приходилось перевирать события, например совмещая два этюда в один или заменяя место действия, если что-то казалось избыточным. В общем, с вашей, дорогие друзья и коллеги, и божьей помощью надеюсь привести этот черновик в порядок. Может быть, даже, дав ему месяц отлежаться, совсем перепечатаю текст начисто, от первой до последней буквы, учитывая некоторые ваши мудрые комментарии. А может быть, оставляю текст нетронутым, за исключением работы корректора, со всеми дефектами. Может, окажется, что дефект — есть этот роман. И спасибо, Антон «Секси» Секисов! Это великая находка — делать такую приписку перед книжкой. Планирую трижды воспользоваться этим твоим изобретением.

С любовью, я.

1

Летом в Москве хорошо, если воспринимать ее как курортный город. Мы устроили на крыльце общежития ВГИКа настоящий оазис. Через окно протянули длинный тройник, подключили синтезатор, гитару и комбик. Михаил Енотов дирижировал, настраивал, подключал провода, шутил и следил за техникой, ведь уговор был такой: если хоть немного умеешь играть, инструмент в руки не берешь. Поэтому гитару мучил оператор Илья Знойный, водил ногтями по струнам, и это было для меня, человека музыкально безграмотного, равносильно саундтреку к фильму «Мертвец». На клавишах играл одноклассник Михаила Енотова сценарист Дима «Джим» Булатов (Булатов — Окуджавович — Окуджармуш — так он и стал просто Джимом), молодой православный гопник из поселка Дивеево. Джим выбирал какой-нибудь синтетический гул и жал на клавиши, интуитивно изобретая собственные аккорды.

Сигита — моя девчонка, длинноволосая литовская принцесса — ела булку, запивая дешевым пивом. Просто присутствовала, в этом она была мастер, профессиональная убийца времени. Я держал в руках мегафон, взятый у студента-продюсера, и читал в него стихи, а иногда просто нес бред.

— Удивительно... — говорил я, — но лет через пять, десять, пятнадцать...

Это первое стихотворение, которое стало чем-то вроде репесни. Мы придумывали разные, удачные и не очень, имена

нашей группе. Например, «Доктор Лем» в честь друга Димы Лемешева или «Сто дней после гейства» в честь фильма Соловьева, сценарий к которому написал Александр Александров, папа нашей подруги.

Авдотьи.

Надя Мира снимала нас на камеру. А я читал этот стих. Я чувствовал, что Надя — особенный человек, она сразу видела тебя «готовеньким», со всем твоим прошлым и будущим, чувствовала, что тебя несет к свету, и тогда влюблялась или напротив — грозила пальцем, если ты засматривался в темноту. Надя в те дни сделала замечательный клип, который, к сожалению, мы даже не выльем в интернет. Клип будет утерян, чтобы стать мифом.

— Это Надя! Моя славянская любовница! — говорил я никому. Сигите даже льстило такое — как я петушусь. Она улыбалась и мурлыкала, по-детски радуясь идиотскому поведению своего парня.

— А это моя азиатская любовница! — говорил я про милую якутку, имени которой даже не знал.

Мог пять минут молчать или тянуть один гласный звук под этот странный нойз из-под пальцев Ильи Знойного, а потом вдруг, увидев человека, идущего по тротуару, начинал бормотать:

— Гришковец, съевший собаку, превращается в собаку, съевшую Гришковца, — и повторять это все громче и громче, а человек, не понимающий, что происходит, прибавлял шаг и убегал вниз по улице Бориса Галушкина.

Мимо ходили пожарные, гопники, задиристые студенты-кавказцы из соседних общаг. Наши, вгиковские, переступали через провода и оборудование, изредка пожимая нам руки — это были те, кто не уехал домой на лето и остался в Москве работать. Мы же мало работали, вместо этого покупали дешевое баллонное пиво за 21.90, нежно названное нами «Липтон Айс Ти Жигулевское», в магазине «Копейка» через дорогу.

Воровали к нему ветчину и орешки. За нами следил опасный «федерал», начальник магазинной охраны, плешивый мужик

в штатском, но мы с Михаилом Енотовым были осторожны. Иногда мы еще и тележки угоняли, чтобы поиграть, но потом трезвели и возвращали их.

— На гитаре играет мой любовник Знойный, — сообщал я зеленому двору.

Мы изобретали язык, вдохновленные «Заводным апельсином». Shurshali в закате на ступеньках, целые часы пародировали акценты, смеялись и называли такое времяпрепровождение «гействовать-злодействовать».

У меня еще не было комнаты, я только поступил. И до первого сентября я залезал через балконы, чтобы не платить. Иногда ребятам удавалось протащить меня через вахту в чехле от синтезатора. Когда совсем заканчивались деньги, мы ходили сниматься в массовке.

И снова появлялось «Липтон Айс Ти Жигулевское».

Так мне исполнился двадцать один год. Я встретил эту дату с похмельем и в шубе из бурого искусственного меха, которую забрал у нашей подруги — она подыгрывала нам на саксофоне. В эти дни меня зачислили на курс к Александру Бородянскому, великому сценаристу.

На предварительную консультацию я взял с собой нижнюю половину женщины-манекена (пьяный товарищ притащил с помойки), сексуальные ножки которой одел в короткие шортики, сделав их из собственных летних брюк. Взял с собой и Михаила Енотова с Ильей Знойным. Они были тогда моей свитой, хихикали и выпучивали глаза.

— Это мои друзья, — сказал я. — Мои два с половиной верных друга.

— Похоже, вы любите пошутить, — строго сказал Бородянский. — Посмотрим, что вы еще умеете.

Абитуриенты смотрели на меня и мою компанию с брезгливым недоумением. Ладно, я знал, что три четверти из них за пару лет не смогут научиться даже писать строго в настоящем времени, а оставшиеся не пройдут на следующий уровень — никогда не разберутся, как перенести диалог из жизни на бумагу. Сам я учился этому с детства и имел запас гоп-историй. Михаил Енотов даже

считал меня обезьяной: я не интересовался ничем, не осваивал иностранные языки и музыкальные инструменты, не увлекался спортом, только писал. Мог в свое удовольствие зафиксировать любой случай так, как будто в нем есть какая-то важность. Да это, собственно, было единственное мое умение и стремление. Даже тут специализация у меня была довольно узкая: больше всего меня интересовали настоящие события, свидетелем которых был я сам, прожитые мной самим. Чем проще история, тем лучше. Главное, чтобы было какое-то крошечное интересное отклонение, в этом я чувствовал самую тонкую музыку.

— Историю нельзя придумать, — говорил я, задирая указательный палец вверх. — Ее можно только пережить или спиздить.

Мне казалось, что я умел особенно глубоко страдать, страстно мечтать. Мечтал я только о великом. «Пожалуйста, пусть мое дело будет великим!» — молил я с усмешкой, запрокинув вверх залитую пивом голову.

Мы делали обход по общаге.

— Эй, дядя, — подпрыгивая, голосил Илья Знойный. — Пойдем пить с нами! У меня отчим такой же лысый.

Так заводились знакомства.

— Эй ты, с дредами! Ты как рэпер Децл, только умный! Хочешь пива?! — кричал я. Потом менял тон и представлялся: — Женя. Лучший писатель современности.

Высокий режиссер, и правда чуть похожий на Кирилла Толмацкого, пожал мне руку:

— Паша, — ответил он.

— Нет. Ты — Дэц, — настаивал я. — Дэц с прокачанным интеллектом.

Это лето было особенным, из него должно было что-то вырасти.

Осенью мы с Михаилом Енотовым съехались. У него была «зарплата сына» — три тысячи в месяц, я же продолжал ходить по массовкам и социологическим опросам. Если совсем прижимало, тоже просил у папы прислать пару тысяч, но старался все-таки быть самостоятельным.

Одно из моих хобби было раздавать прозвища. Они прилипали к каждому.

Нашего соседа по блоку, жившего в смежной комнате и учившегося со мной в группе, Илью Щербинина, я прозвал «Доктором Актером». Пришлось у Лема отобрать степень, поскольку новый Док был действительно повернут: он все время играл, даже оставаясь в одиночестве. Уверен, он не мог вымолвить слова или обронить жеста, пока усилием мысли не создавал вокруг себя ряды откидных кресел, логи и партеры, усеянные жадными и любопытными наблюдателями.

Иногда мы пили в комнате и, заслышав взволнованный монолог Доктора Актера из предбанника (так мы называли коридор блока, общую зону), ложились по своим постелям вниз животом и оголяли задницы.

— Доктор Актер! Зайди, дело есть! — кричал один из нас.

— Что?!

— Док, тут философская беседа назрела!

Доктор Актер врвался в комнату, все еще бормоча впечатления о пробах или излагая самому себе синопсис гениальной повести, с которой он обязательно возьмет премию имени Астафьева. Слова вдруг застревали в нем, Доктор Актер замирал посреди комнаты, торжественно напрягалась каждая стрелочка на его лице.

Мы двумя голыми жопами смотрели на него из разных углов.

— Очень смешно! — говорил Доктор Актер, возносил руки к потолку и выходил вон.

Становилось понятно, что Михаил Енотов, этот парень, похожий на юродивого гопника, самый желанный девственник общежития, будет со мной в вечности, он — мой настоящий друг, который спустится за мной в ад, если возникнет необходимость. В нем была и мудрость, и страсть, но и какой-то удивительный баланс. Татуировки Будды и Тома Йорка украшали его плечо и грудь, а сам он ходил по общаге в психиатрической пижаме — подарке с маминной работы. Наш хохот позволял обмануть время.

Случалось, переходили на безалкогольное пиво и мармеладки. Банки из-под «Балтики» нулевой валялись в центре комнаты, а все заходившие шутили про резиновых женщин, к которым неизбежно приведут наши духовные поиски.

Раз или два в неделю я выбивал себе какую-нибудь халтуру, обзванивал бригадиров массовой, ездил в огромный ангар, центр «А-медиа» или на Мосфильм, где снимался в сериалах, передачах, работал унылым зрителем, надевал врачебный халат или тюремную робу, примерял фраки и парики, заходил в бутафорские лифты и телефонные будки, мерз в военной форме в заброшенном аэропорту или скучал за барной стойкой. Для соцопросов у меня были поддельные ксерокопии паспортов друзей, но с моей фотографией, чтобы можно было под разными именами и с разными данными подрабатывать в одних и тех же компаниях, занимающихся исследованиями товаров и вкусов потребителя. Я придумывал себе разные профессии и статусы, воображал жизни, чуть ли не наклеивал усы, — а иногда был и самим собой, участвуя в многочисленных фокус-группах, тестирующих сигареты, пиво, вино, шампуни, обсуждающих пилоты рекламных роликов, различные тестовые дизайнерские решения, слоганы, одежду, сорта пластилина, ковровые покрытия, материалы корпусов, столешниц, удобство столовых приборов, текстуру бумаги.

К новому году я уже научился заполнять анкеты быстрее всех других «патологических массовщиков», как я называл своих коллег. Мог включаться и без усилия мысли генерировать речевой поток и тут же отключаться, потом бежал через дикий мороз от метро «ВДНХ» (две моих первых зимы в Москве были очень холодными, как будто я привез сибирский холод с собой) и прыгал под одеяло к Сигите. Попав с холода в тепло, тело начинало сильно зудеть. Моя чувствительная кожа как будто отслаивалась от плоти, а под ней резвились хлебные крошки. Но Сигита спала хорошо, как небольшая и нежная зверушка, пока я нервно ворочался рядом.

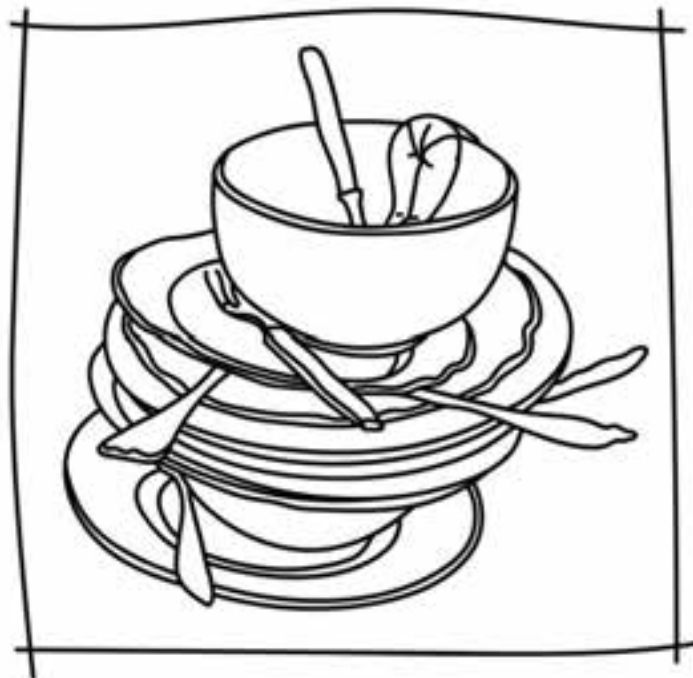
Учебу я в большинстве случаев прогуливал, кроме занятий по мастерству.

Один студент-продюсер занимался перепродажей старых компьютеров. Несколько дней поработав статистом на телевидении, я сделал над собой усилие и вместо того, чтобы пропить деньги, купил рабочий инструмент — старый гудящий пентиум. Теперь у меня было рабочее место.

Наша комната походила на келью двух шизофреников и их непутевой дочурки — большую часть времени Сигита тоже была с нами. Она оставляла за собой грязную посуду и разбросанные вещи: невозможно было понять, какие из них свежие, а какие надо стирать. Призраки волочились за ней, мысли опадали с головы вместе с длинными черными волосами. Меня родители с детства приучили мыть посуду сразу. У Сигиты же был принцип: обязательно расслабиться после еды, пообещать, что отдохнет и вымоет посуду, а потом забыть про собственное обещание.

Я орал на весь десятый этаж:

— Я что, твоя прачка?! Скажи, я похож на прачку?! Скажи мне!

Она проводила большую часть времени в своем воображении, если была трезвая, выглядывала нехотя и опять погружалась в себя. Еще у нее были поверхностные знания обо всем на свете, она была ходячей энциклопедией — по любому предмету получала хорошую оценку.

Когда она была маленькой, ее мама была успешной в делах и покатала Сигиту по миру. На карте, оставшейся висеть на стене от прошлых жильцов, она могла отметить много стран и рассказать об обычаях их жителей и своих впечатлениях. Я же не был нигде, кроме Кемерово, Москвы, Санкт-Петербурга (ездил один раз к Илье Знойному в гости) и еще пары сибирских маленьких городов. Я очень ревновал и обижался. Когда я вредничал, Сигита закрывалась, выдумывала себе болезни, неврозы, проблемы, драмы, трагедии, многочисленные сюжеты фильмов и целые вселенные.

Иногда, особенно с легкого похмелья, она была очень ласкова и говорила мне:

— Кисонька-мурлысонька. Ты у меня очень талантлив. Только твои книги и будут читать, все остальное затеряется.

Мне же казалось, что она талантливее, потому что могла выдумать что-то. Не всегда это было интересно: Сигита еще не научилась отделять хорошие сюжеты от совсем абстрактных, но стоило ей прикрыть веки, и фантазия уносила ее. Какие-то обрывочные сведения могли вдохновить ее на описание улиц города, которого она никогда не видела, эпохи, в которой она не была, культуры, которой она не знала. Она не была так закомплексована: там, где мое воображение упиралось в стену, там, где мне не хватало опыта, Сигита могла сделать историю из пустоты.

Однажды я прочитал хороший учебник по кинодраматургии Скипа Пресса, выстроил бортики для реки ее фантазии, и — о чудо! — за пару недель мы сделали вместе полнометражный сценарий. Все нашего малыша любили и хвалили. Там были живые диалоги, и, несмотря на жанр (роуд-муви с элементами боевика), я умудрился процитировать Камю — в кульминационной сцене солнце, яркое солнце, ослепило героя и спрово-

цировало его на совершение убийства. Сигита придумала всю канву и большую часть диалогов.

Мы сделали несколько распечаток и раскидали копии по разным студиям, через студентов и наших преподавателей. Месяцами ничего не происходило, потом нам дали небольшой аванс — десять тысяч рублей, это называлось «опцион». Студия планировала найти деньги и снять этот фильм, мы передали им временные права. Ставить фильм собирался режиссер по имени Адель, нашли мы его через Юрия Арабова, сценарий которого Адель уже экранизировал — фильм «Апокриф» про Чайковского. Теперь он хотел поставить историю попроще. Месяцы шли, подвижек не было, денег на фильм не хватало. Мы созванивались с режиссером, вносили правки, пробовали улучшить сценарий, но потом стало понятно: у него уже нет энергии поднять этот проект. Студия прогорела.

Понемногу я начинал видеть во ВГИКе чистилище, в котором можно сгнить, коридор, который тебя обманет или сделает паразитом. С этими его разговорами об искусстве, надеждами на величие, мертвыми идеями, песнями на актерском этаже, снобизмом и алкоголем. В лучшем случае выпускники сценарного становились редакторами, ковырялись в носу и получали деньги. Я не знал, хочу ли вообще писать сценарии. Говорил, что хочу, но на самом деле меня интересовали только стихи и проза.

«Это же ваш первый сценарий!»

«Ты учишься всего лишь на первом курсе, а она на втором, чего ты хочешь?!»

«Продолжайте писать, переписывать, и со временем все будет».

Примерно что-то такое говорили мне мастера. И я продолжал писать большую часть учебных заданий. Но на некоторых упирался в стену, не желая делать что-то проходное или копировать свой же успех.

Иногда в комнату заходили студенты-режиссеры, чтобы познакомиться: до них доходили слухи о моих способностях.

Сонные и погруженные в себя или взбудораженные, с воспаленными от учебы мозгами. Я писал некоторым этюды и короткометражные сценарии, но если я делал работу искренне, она застревала где-то наверху, в шестеренках бюрократической машины.

Проблема была не в тупости мастеров. Она была в молодых режиссерах, не способных нащупать свой стиль, у них были фрагментированные идеи, пустые жесты и штрихи, но не было морали.

Мне понравился один башкирский парень, он учился по целевому направлению от республики, стильный и красивый Данияр. Он как будто выплывал из своей ароматной, пропахшей запретным дымом комнаты, мудро прищурился и кидал свое:

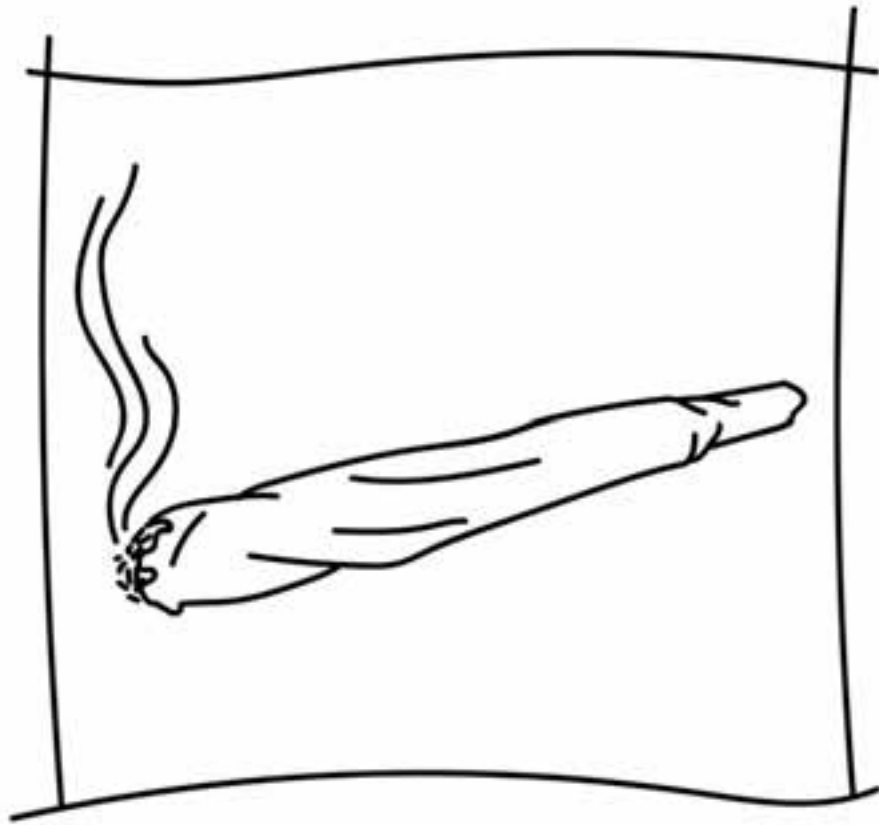
— Помедленнее, расслабься. Тогда я скажу, что мне надо.

Я поставил на него, он был моей темной лошадкой. У нас рождался сценарий медленного кино, и этот сценарий получился в итоге по-настоящему поэтичным и очень нравился Бородянскому.

Вечно укуренный Данияр предлагал какие-то сумбурные правки, и из-за того, что мы существовали на разных скоростях, текст сценария оставался черновиком. Обязательно доведу это дело до конца, пацаном не буду, — пообещал себе я. Так я войду в профессию, так я буду в ней жить. И Данияр приходил, мы снова общались, моя речь буксовала, выплывали его задумчивые фразы, я вносил правки, он уходил, показывал сценарий мастеру, и появлялся какой-то новый, неожиданный виток истории. Данияр неправильно понимал начальство, и запуск откладывался снова.

Все закончилось переменами в личной жизни: Данияр расстался со своей девушкой.

— Я так растворился в ней, — сообщил он. — Забыл самого себя. Оставшись один, я засунул палец в жопу. Достал и понюхал: вот он я, так я пахну.

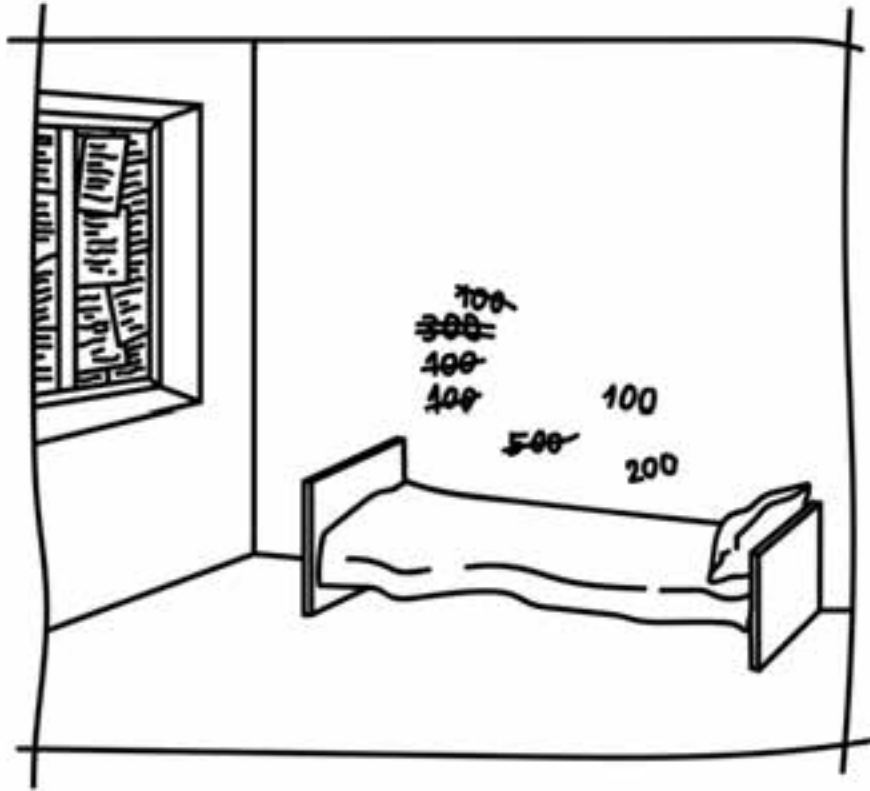

Учет своих долгов мы вели шариковой ручкой прямо по обоям и потом зачеркивали, когда возвращали занятые деньги. Такая наскальная живопись покрывала значительную часть пещеры над моей кроватью, я спал под этими синими надписями. Не позволял себе сильно нарушать сроки, стараясь успевать перезанять, чтобы отдать. Суммы были совсем небольшие: сотка на пиво, сотка на обед, очень редко три или пять сотен на неистовый кураж. Сначала на окне висела штора, но я сорвал ее во время ссоры с Сигитой и заклеил стекла страницами распечатанного данияровского сценария.

Мы жили на десятом этаже, и это здоровенное окно манило и затягивало, а под зданием — пустырь, усеянный лимузинами. Шесть нижних этажей общежития были отданы под офисы, и сам этот свадебный прокат принадлежал проректору по хозяйственной части ВГИКа. Вот так он вел свой бизнес: прямо в здании.

Мне постоянно снился сон, даже не сон, а какие-то телесные галлюцинации тревожили мое туловище. Картинок не было, но было явное ощущение пространства, тел, расстояний, высоты, воздуха, пустоты. Вот я в промозглой тьме, залезаю самому себе на плечи, а потом еще раз и еще это проделывают версии меня, маленькие я, пока человечки — все эти я — не добираются до десятого этажа. Мы чувствуем стекло пальцами, ничего не видя, но зная, что надо достучаться до настоящего меня, спящего внутри комнатки. Проникнуть в мою голову, до которой всего полметра. Но не выходит: конструкция из человечков начинает раскачиваться, и мы, хрупкие воображаемые малыши, разлетаемся и падаем, вырастая до настоящих моих размеров, обретая на лету тяжесть, серьезный вес, который ускоряет падение на белые и розовые лимузины. Мы ломаем их, продавливая и разбивая вдребезги.

Михаил Енотов был спокойным, внимательным и человечным, но жестким в своих убеждениях, он интуитивно выбирал золотую середину, не любил неожиданности, я же был импульсивным, человеком крайностей, безотказным и сексу-

ально озабоченным, любителем грязи и склонным к безутешному чувству вины. Выпивали мы за время совместного жилья, наверное, одинаковое количество алкоголя, но у меня это были запои и завязки, а у него — более равномерное и спокойное потребление.

Когда я завязывал, одну ночь всегда проводил в бессоннице, в судорожных мыслях и онанизме, но к вечеру второго дня мозг успокаивался, я входил в какой-то транс, мне хотелось писать. Тогда я сидел один в комнате, делая рассказы. Бывало, что это выпадало на вечеринку. Все веселились на кухне нашего этажа, я мог выйти на пять минут, сонно перекусить что-то и перекинуться с кем-то парой слов, но алкогольный адок слишком пугал и манил — я бежал обратно за старый письменный стол. Сигита раз в какое-то время заходила забрать меня, и голос звучал уже так, будто пленку слегка зажевало:

— Ты зануда. Пошли.

Выпивая, она ломала стенку между собой и миром, ей хотелось всех собрать вместе, говорить с ними, смеяться, делиться мечтами, давать обещания дружить и работать. Обижалась на меня и не понимала, почему я не хочу сейчас быть как она, считала, что я просто упрямлюсь — сажусь на стул за компьютер воевать против нее.

— Мне хватит вечеринок, — говорил я. — Сейчас я занят.

Потом я с трудом забирал ее спать с курилки на лестнице, где она пела под гитару с актерами и режиссерами. Мне даже выйти туда было стыдно — когда раздавались песни русского говнорока. Если твоя девушка готова петь под гитару Дыркина, ладно, это еще куда ни шло, но «Сплин», иногда они пели даже это, и мое сердце было готово выпрыгнуть из груди и ускакать от них подальше. Каждая лицемерная и глупая песня, которой они подпевали, оставляла шрамы внутри, но и привязывала меня к Сигите сильнее. Делала нашу любовь невозможнее и прекраснее.

Не очень часто, но раз или два в месяц рассказы получались. У меня был старший товарищ — писатель Олег Зоберн,

которому я проиграл литературную премию «Дебют-2004». Это была очень разрекламированная премия, главная премия нулевых, из нее вылезли все мы — от бедолаги Сергея «Шарга» (или еще говорят Сергея «Полтинника») Шаргунова до великого мистификатора, скрывающегося под именем Равшан Саледдин. Тогда многие молодые писатели мечтали ее получить. Я знал людей, которые начали писать благодаря ролику с Первого канала. Перо, бумага, торжественное перечисление русских классиков, какие-то заветные слова и денежный приз.

Зоберн доучивался в литературном институте, уже был лучшим среди ровесников, и на него я равнялся, а в открытую критиковал, провоцируя защищаться и обнажать свои приемы. По части приемов, ритма, продуманности не было ему равных в моем окружении. Он знал кухню, натаскивал меня, сам наблюдал за мной, как за зверьком, одаренным колхозником, пытался зарядиться моей молодостью и непосредственностью, осмыслить, как я делаю чувственный и раскрепощенный текст.

Зоберн говорил, что важно публиковаться в толстых литературных журналах. Святая троица: «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». Быть напечатанным в каждом из них — значит уметь писать. Есть еще «Дружба народов» — тоже неплохой. Все остальные журналы не так важны. Если пока не получается, попробовать стоит во всех, которые представлены на сайте «Журнальный зал». Так можно попасть в обойму.

Оставаться верным себе где-то на глубине, но уметь делать живой текст, который также оценят эти профессиональные литературные работники, говорил мне Зоберн, москвич и сметливый парнишка. И я, глупенький гость столицы, доверился ему, следовал этим указаниям. Рассказы мои вращались в этом круговороте журналов, иногда издавались. Я получал маленький гонорар за рассказ, как за два или три дня на массовке.

Со стихами было еще сложнее. Поэтов было так много, что получить ответ по поводу своих виршей было почти невозможно. Но я все равно рассылал и стихи.

Однажды меня позвали пообщаться в журнал «Арион».

Главный редактор был моим однофамильцем. Я сел напротив него в маленьком офисе.

Назвал свою фамилию. Редактор сказал:

— Бывает.

Я ждал. Что-то с ним было не то, с этим человеком.

— Смотрите, — сказал главный редактор. — У вас есть что-то в стихах. Но все они нам не подходят.

— То есть как? А зачем я здесь?

Он пролистал распечатку, лежавшую на столе среди прочих бумаг. Обратил особое внимание на стихотворение «удивительно». Это моя личная машина времени и спасение от жизни мещанина, мой дебют как поэта, написанный в семнадцать лет.

— Совершенно замечательное стихотворение, — сказал он. — Но почему пять, десять, пятнадцать? Давайте уберем пять?

У меня даже зачесался затылок от такой нелепой просьбы.

— Давайте не будем. Зачем это убирать? — мне хотелось разочарованно встать, я уже предвидел, что ловить мне здесь нечего, но все же ждал.

— Но я вижу по вам, — ответил он. — Вижу, что через пять лет у вас не будет ни первой, ни второй жены. Начните сразу с десяти. Удивительно, но лет через десять, пятнадцать...

На это я ответил, что поэт видит будущее не так четко и масштабирует неосознанно, скорее подчиняясь не логике, а ритму языка.

— То есть вы не согласны поменять? — спросил главный редактор.

— Нет.

— Что ж... Надеюсь, чем-то вам в будущем поможет этот мастер-класс.

Я едва слышно выдохнул со звуком:

— Пффф, — и вышел, не попрощавшись.

В общагу я пришел в расстроенных чувствах, но Михаил Енотов предложил купить пива. Мы пили свое жигулевское, и я пародировал еврейские интонации главного редактора. Мы

науглили его краткую биографию: оказалось, что мы не настоящие однофамильцы — моя фамилия для него была псевдонимом.

— Как вам мой мастер-класс?! Я ведь могу научить вас работать с текстом, неблагодарный провинциальный гой! — говорил я.

Михаил Енотов умел ловко выдумывать шутки и скоро начал писать скетчи и продавать их в телевизор. Не так много ему их удалось продать, и деньги за них платили совсем небольшие, но все же это были его первые деньги, заработанные в профессии. В этом, конечно, мы отличались: я был стихийным дилетантом, а он стабильным мастеровым. Я писал только такие скетчи, над которыми смеялись мы сами и которые невозможно было продать. Плюс стоило мне освоить одну локацию, придумать шутку под интерьер, как я к этому интерьеру утрачивал интерес. Мне не удалось продать ни одного скетча.

Михаил Енотов всегда и на всех оттачивал свое остроумие.

— Зачем ты так на женщину похож? — спросил он как-то у парня на гламурной вечеринке продюсеров, где мы выглядели как два обрыгана.

Гигиену-то мы всегда соблюдали, но стиль у нас был как у помоечных принцев. Я, например, терпеть не мог ощущение грязной — потной или прокуренной — одежды, зато следы еды и дырки на ней никогда меня не смущали. Как-то раз Михаил Енотов продал целых три скетча, заработал восемь тысяч и купил себе опрятную и модную одежду. Я даже несколько дней ходил с ним на занятия, чтобы видеть его триумф. Все делали ему комплименты, он в ответ стрелял в них пальцем и говорил:

— Король юмора и стиля. Продаю шутку — покупаю шмотку.

Я решил дебютировать как режиссер. «Все буду делать сам, пришло время задать жару», — говорил я всем, убежденный в такой магии: нельзя будет нарушить собственное слово, и сила инерции заставит меня сделать кино. Илья Знойный

должен был стать оператором, а Михаил Енотов — исполнить главную роль. Он был сценаристом, но мне не мешало: понятие актерской профессии я отвергал. Я перекроил собственный рассказ «Бой с саблей», и дружище туда вписывался, на мой взгляд, лучше, чем любой актер-профессионал. Мы посадили Михаила Енотова на испачканный кока-колой икеевский диван в комнате Ильи.

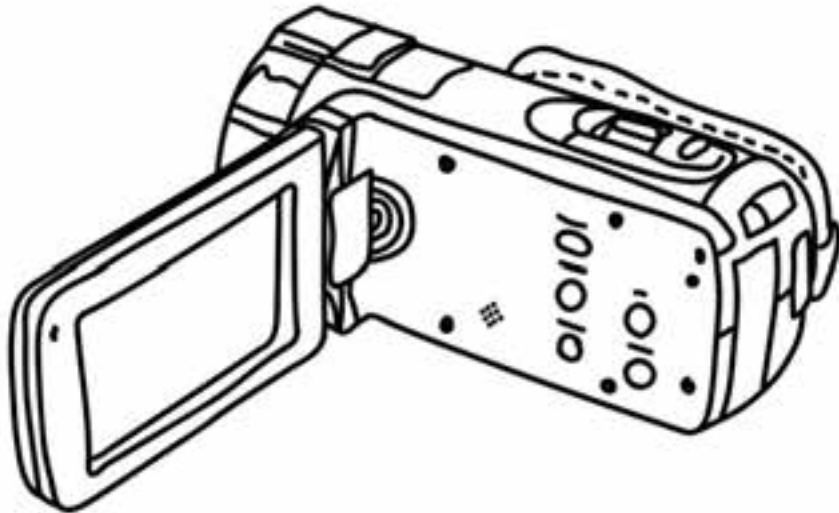
Михаил Енотов смотрел в камеру, прижимаясь плечом к нашей околосгиковской подруге Саше, которой не удалось поступить в том году.

— Ничего, мы сами сделаем из тебя актрису, — сказал я ей. — Таланту нужно не шаблонное образование, а индивидуальный подход.

Они почти доверились моей харизме.

— Говорите, ребята. Налаживайте контакт.

— Взгляни на меня хоть разок, — сказал Михаил Енотов.

— Где ты был, когда был мне интересен? — спросила Саша после минуты раздумий.

Илья Знойный снимал их на камеру, а я должен был признаться, что ничего не понимаю, не смыслю ни в том, как руководить людьми, ни в том, как выстраивать кадр. Примерно понимал, что такое монтаж, это напоминало стихи и сэмплирование музыки — вещи, с которыми я уже имел дело. Но вот что касается картинки, компановки кадра — ноль. Вроде бы мог отличить плохую игру от хорошей, но не мог разобраться, с чего начинать, не умел взаимодействовать. Не мог высвободить хороший фильм, зарытый глубоко во мне.

— Ну, читайте реплики.

И они читали реплики, а я просто любовался Сашей. Меня возбуждало смотреть на нее через окошко откидного дисплея Mini DV камеры. Я как будто трахал ее через это окошко. Я еще не снял ни минуты, но уже понял, каково это — влюбиться в девушку, которая играет у тебя в кино. Илья Знойный сказал мне, когда мы вышли перекурить:

— Ты потеряешь свою девушку, если продолжишь заниматься этим.

Ладно, я догадывался, что Саша не испытывает ко мне интереса, а Сигита уже переживает. Поэтому мы сделали еще несколько проб, но даже не стали отсматривать, что из этого получается. Просто перестали обсуждать этот фильм, и никто меня не обвинял.

Пришел мой одноклассник Орлович и сказал:

— Пошли, я нашел нам работу.

Я накинул куртку, обулся и вышел за ним. Стоя в лифте, я думал о чем-то своем, глядя на Орловича, большого и мрачного, но бесконечно обаятельного. Когда мы оказались на улице, до меня вдруг дошло, что я уже не валяюсь в постели, перечитывая рассказы Сэлинджера.

— С чего ты взял, что мне нужна работа? — спросил я.

Орлович по-доброму нахмурился и сказал:

— Не ной. Там просто два человека нужно.

Мы спустились на пятьдесят метров вниз по улице, а потом еще глубже — в подвал соседнего здания. Это была общага политехнического института, в ней размещалось интернет-кафе. Орлович постучался в комнату с табличкой «администратор», и нас впустила девушка лет тридцати, дагестанка.

— Мы на собеседование, — сказал Орлович.

— Меня зовут Наташа, — сказала она. — Нам нужны два охранника. Платим триста пятьдесят рублей за ночь.

— Нам это подходит, — сказал Орлович.

— Обычно все спокойно. Но иногда приходят пьяные. Вы сможете припугнуть таких?

Я посмотрел на Орловича. Здоровенный малыш тридцати пяти лет с великими кулаками. Он повидал многое: почти стал профессиональным спортсменом, владел бизнесом в девяностые, был женат и развелся, после чего основательно погрузился в разврат, в нулевые разорился и перепробовал тысячу работ и подработок. Он был талантливый актер и талантливый строитель. Писать у него тоже получалось неплохо, но что-то мешало ему. Орлович не был усидчив и не верил в себя, его желания были мелки и не искажали пространства. Несмотря на свою крутизну, он был слишком нежен для литературы или драматургии. У него было мягкое рукопожатие, он просто выдавал свою безжизненную руку, чтобы вы ее потискали. Но когда надо, можно и прикинуться.

— Мы не робкого десятка, — сказал Орлович.

Я кивнул и на всякий случай выставил подбородок вперед. Сказал первое, что пришло в голову:

— Я борец.

Администратор посмотрела мне прямо в глаза. Мне показалось, что она с холодным любопытством разглядывает мое голое тело. Она просканировала меня и отвела взгляд.

— Ладно, я думаю, вы подходите.

Так мы с Орловичем ночь через ночь стали проводить на этой работе. Мне нравилось. Я приходил в восемь вечера и, пока администратор не уходила, час прогуливался по двум залам

с компьютерами, присаживался с книгой. Десять минут прогулки, десять минут чтения. Администрация уходила, и оставался только я и один из операторов-кассиров (их тоже было двое, как и нас, охранников, они чередовались) и несколько посетителей. Тогда я уже просто занимал любой свободный компьютер и брался за письмо. Часто сюда приходил кто-то из наших вгиковских студентов, чтобы сделать распечатку работы или посидеть в интернете. Если меня не успевали заметить, я выходил в другой зал. А если замечали и спрашивали, приходилось объяснять, что я работаю здесь охранником, да. Мне было как-то странно, не хотелось, чтобы администратор меня поймала за каким-нибудь разговором о кино или чем-то таким интеллигентским, хотя она и знала, что я студент.

Иногда я подменял оператора-кассира, если он уходил поужинать. Приходилось распечатывать кому-то из знакомых этюд или сценарий. Тогда я имел возможность подглядеть его неловкие карьерные потуги из другой ниши. Это приятно волновало, хотя и было чуть неловко.

Я стал регулярно переписываться с отцом по электронной почте. Я писал что-то вроде такого:

— Анатолич, не болей! Стану великим поскорей!

Мне казалось, что это очень смешно. Эта шутка обязывала меня начать писать роман. Весь свой стыд за пьяные разговоры, за то, какой я крутой мастер слова, я направлял в клавиатуру. Там, в этом подвале, странными ночами, я написал первые главы своего романа, который сначала хотел назвать «Цук». В соседнем зале подростки играли в игры и посмеивались, поедая чипсы, оператор-кассир спал рядом со мной, сдвинув несколько стульев. А я писал, и время останавливалось, было хорошо.

В восемь утра я получал свои деньги, три с половиной сотки, и шел спать в соседнюю, свою, общагу.

В одно такое утро я не обнаружил Сигиты. Ее не было в моей постели и не было в постели ее комнаты. Михаил Енотов уехал тогда домой в Казань. Сигита осталась без нашего надзора, ее

просто затянула черная воронка. «Где же ты? — думал я, бегая ночью по общежитию. — Какой-то мужик, что ли, тебя забрал?»

Я еле узнал, что происходит, от ее подруг и друзей. Она пила с режиссером Ильей и ночевала с ним. Вряд ли они имели секс, скорее всего, ей просто тяжело было подняться с седьмого этажа на десятый.

Несколько суток я не спал. Установил на компьютер программы, чтобы нарезать сэмплы и лепить из них музыкальные коллажи — в общем, делать то, чему научился в отрочестве, наслушавшись исполнителя Дельфина. Сигита то оказывалась рядом и говорила, что у нее с режиссером Ильей ничего не будет и она остается со мной, то опять выпивала и пропадала.

В одну из одиноких ночей я пришел переночевать к Джиму. Он тогда жил один в комнате на тринадцатом этаже.

Я лег на одну из кроватей и отвернулся к стене.

Джим сказал:

— Ты такой коренастый, я одно время хотел с тобой подраться.

— Можешь приступать. У тебя сейчас есть все шансы меня одолеть. Да и в любой другой момент.

Потом он сказал, что ему сначала не понравились мои рассказы, он считал меня калькой с Буковски. Но недавно в комнате нашлась распечатка неизданной книги, Джим перечитал их более внимательно. Начал со скепсисом, но увидел и силу, и свет, и даже где-то мою особенную интонацию. Сам он тогда тоже писал больше прозу, чем сценарии. В Джиме было много энергии, иногда текст складывался.

Видя, как меня корежит, Джим разговорился, открылся мне. До этого мы мало общались, от пьянок он старался держаться подальше, чтобы не повторить судьбу отца-алкоголика. Джим рассказывал о том, как бесы иногда приходили навещать его и как он спасался молитвой.

— Я бы помолился, — сказал я. — Не знаю, не понимаю, что такое православие, крестики, и попы мне не нравятся. Но есть в этом своя правильная математика — в постах, системе грехов, молитве.

Я заплакал.

На рассвете мы пошли в церковь. Отстояли почти целую службу, мысли мои притихли, я просто разглядывал людей, слушал тишину. Потом все-таки стало душно, голова закружилась, показалось, что теряю сознание — так я был истощен. Тихо попросил его выйти прогуляться.

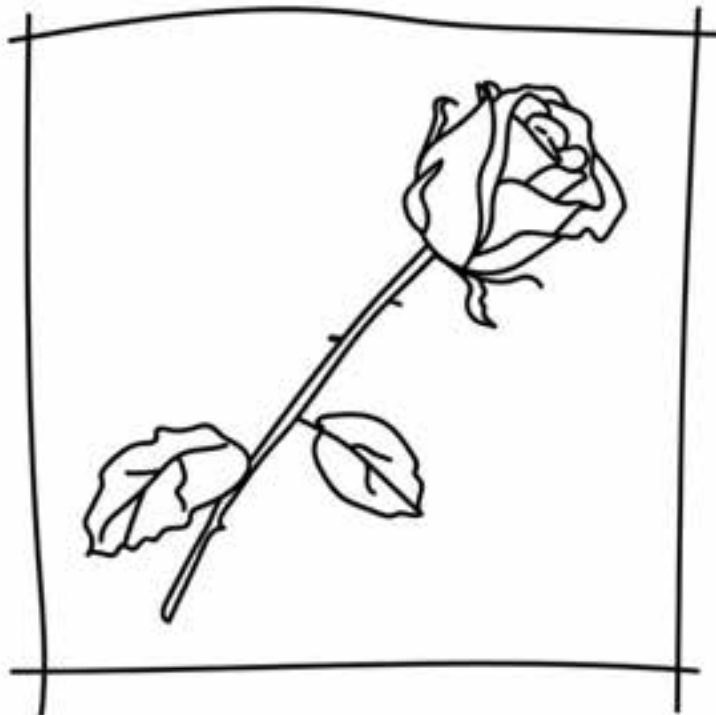
— Да уже конец, — сказал Джим.

Мы вышли из церкви, и день начался, люди проснулись. Возле общаги я впервые обратил внимание на цветочный киоск. Мне немного не хватало, и Джим добавил на розу для Сигиты. Пока мы ехали в лифте, я вертел цветок в руках, нюхал и говорил:

— Я потерял ее. Свою девчонку.

— Нет, — ответил Джим. — Я вижу, из тебя получится отличный отец.

Цветок я оставил в ее комнате. Первый раз в жизни подарил девочке цветок.

Я продолжал ходить на работу, на учебе совсем не появлялся.

Мы с Михаилом Енотовым придумали концепцию, как должен звучать наш альбом. Идея была в том, чтобы накладывать сэмплы из поп-музыки на разные качественные живые барабаны из рока и альтернативной музыки, мешать несколько барабанных дорожек с поп-мелодиями и записывать глубокий мрачняк, от которого тело будет рваться в пляс.

Первая песня была моей сольной — посвященная Сигите. Когда я написал этот текст — крик души, то собрал все ее вещи и выставил в коридор.

Два дня, что ли, я ее не видел, и вот она вернулась: пристыженная, и попросила Михаила Енотова покинуть комнату. Потом извинилась, сказала, что все обдумала, что любит меня, а режиссер Илья пусть себе встречается со своей девушкой. Мы ругались несколько часов, пока не пришел Михаил Енотов и не сказал:

— Хватит. Это и моя комната.

На следующий вечер была пьянка. Я расслабился. После нескольких дней бессонницы был очень пьян, смутно помню, как сидел на одиннадцатом в комнате Лема, а рядом оказался какой-то актер Федор, друг Сигиты.

Этот Федор не был плохим человеком, но был болтуном и душнилой, какие часто встречаются среди творческих людей. Рассказывает какие-то банальности, кивает, где надо, и очень положительно настроен, будто хочет помочь тебе зад вытереть. Все они знают, все видели, все любят, все понимают, при этом ничего не умеют и не представляют из себя. Мы с Михаилом Енотовым были о нем не очень высокого мнения, и, когда нам надоело его слушать, мы спонтанно, но как будто сговорившись, встали, достали члены и помахали ему. Актер Федор затряс своей шевелюрой и закричал:

— Уберите эти фитюльки!

— А я думал, ты посыплешь мою залупу еще одной душевной историей! — заорал я.

Все это происходило в тесном предбаннике, кухоньке блока, в котором жил Лем. Развернуться было негде, и я уже был готов напрыгнуть на актера, так был взбешен в эти дни.

— Перестань рассказывать свое дерьмо!

— Ты лучше бабу свою проведай! — сказал актер Федор. — По-моему, она целовалась с каким-то усатым мужиком на лестнице.

Мне как будто кровью глаза залили. Я выбежал из блока. Сигита курила на лестнице с режиссером Ильей. Наверное, уже докуривали пачку, но я подскочил с криком:

— Илюша, тебе пора заканчивать!

Я выбил окурок из его головы.

Но парень даже не стал драться в ответ.

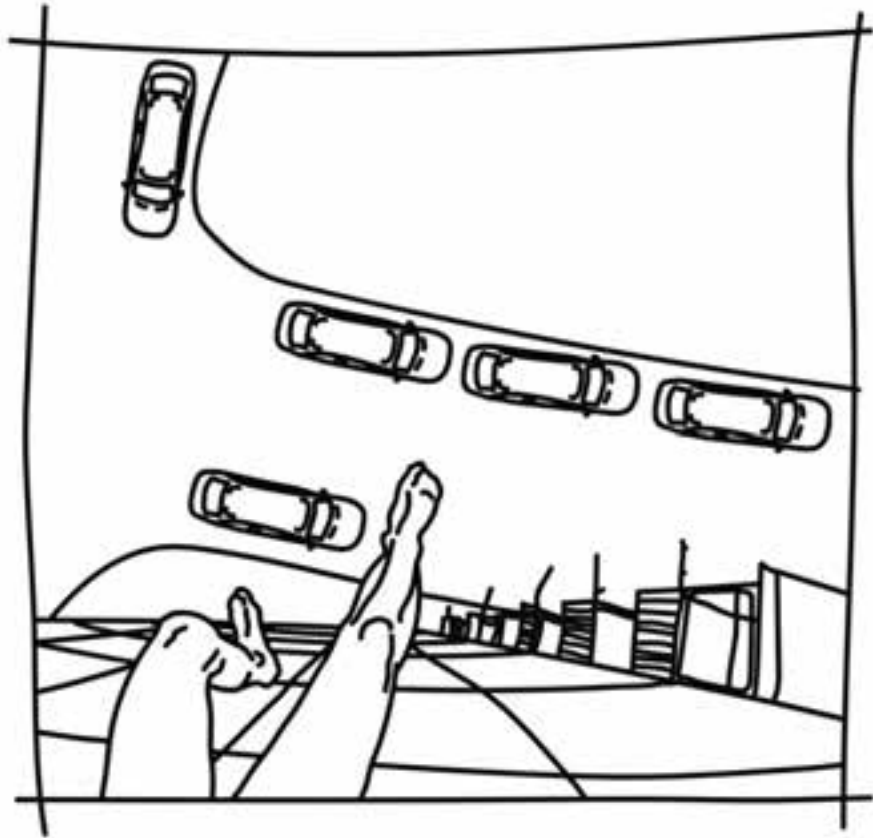
— Иди проспись, — сказал он.

— Я тебя сейчас уложу, усач!

Потом Сигита и Михаил Енотов утащили меня в комнату, а я орал:

— Хочешь, чтобы я битого стекла поел? Хочешь этого? Чтобы я выкинулся в окно, хочешь?

Ночью я проснулся в трусах и испарине — Сигита спала рядом, — открыл окно. Я бормотал, что она предала меня, что я доверился ей, а она все испортила. Я говорил, что все бабы бляди, при этом крепко взялся руками за подоконник изнутри, а ноги перекинул наружу, свесил все свое тело в пропасть. Держаться было тяжело, и вдруг меня осенило — легко умереть из-за собственной глупости. Сейчас это должно было произойти. Я не собирался умирать, но оказался в таком положении. Руки мои ослабли, тело мое, нагое и незащитное, скатывалось вниз, подо мной — десять этажей пустоты и холодная зимняя ночь. Сигита вскочила, смотрела на меня в упор, но она ничего не могла сделать. Сейчас мои руки не выдержат, и я упаду. Потом я увидел озабоченное лицо Михаила Енотова — он смотрел на меня сосредоточенно и спокойно, как будто пытался понять (вспомнить) свою роль в этом спектакле.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ЕВГЕНИЙ АЛЕХИН

«Ядерная весна»

Проза Евгения Алехина заставляет нас думать о себе в другом свете. Мы все — трудные подростки, щенки из коробки, стоящей у метро... Но мы всегда узнаем друг друга по почерку и интонации. В том числе в пространстве литературы.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

КИРИЛЛ РЯБОВ

«Пёс»

В новом романе бесстрашный талант Кирилла Рябова опускается к новым глубинам человеческого отчаяния. Главный герой книги получит от жизни все удары, которые только можно получить: у него умирает жена, с этого его несчастья только начинаются... Впрочем, все это для того, чтобы, пройдя подводными норами мрачной иронии, вынырнуть к свету и надежде.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

КИРИЛЛ РЯБОВ
«Никто не вернётся»

Новый роман Кирилла Рябова посвящен тяжелой судьбе русской женщины: среди бытовой неустроенности, всеобщей энтропии и общего абсурда русской жизни главная героиня этой книги ищет личное счастье — ищет и находит. Но это не точно.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

МАРАТ БАСЫРОВ
«Удовольствие во всю длину»

Марат Басыров (1966–2016) был одним из лучших писателей своего поколения — чем дальше, тем яснее это видно. Скупая выразительность языка, беспредельная самоирония автора в сочетании с беззащитной искренностью рассказчика — все это возвращает читателю ясное понимание того, зачем вообще нужна художественная проза.

Книга дополнена воспоминаниями о Марате Басырове его друзей и коллег.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Евгений Алехин

Рутина

*В тексте сохранены особенности авторской орфографии
и пунктуации*

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Аглая Топорова*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 20.10.2020. Формат 60 × 90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 37. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, кор. 1
тел.: (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

Герой «Рутины» вырос на бесплодной земле. Он — тень богов прошлого, депрессивная эманация, блуждающая по развалинам в поисках следов пиршества. Но все пирушки оборачиваются мрачным трансгрессивным опытом, любовные похождения оставляют только пустотные следы брызг семени, а призвание — обращается рутинной. Но в этой книге есть все, кроме уныния: она не провоцирует жалость, а действует направленно, оскорбляет, ранит и тревожит до судорог. «Книги и девок можно брать с собой в постель», — писал Вальтер Беньямин. И пожалуй что одной только «Рутине» из всей современной русской прозы пристрастный немецкий критик открыл бы вход в свои покои.

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦЫ

ISBN 978-5-907220-76-8

9 785907 220768